

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Ф. Журавлев

ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 811
ББК -3*81.2
Ж 91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 16-04-16026

Рецензенты:

чл. корр. РАН д-р филол. наук А. Е. Аникин,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян

Журавлев А. Ф.

Ж 91 Эволюции смыслов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 472 с.

ISBN 978-5-9907947-5-7

Книга включает работы, касающиеся различных аспектов славянской лексической и фразеологической семантики. В первом разделе представлены исследования, посвященные связям языка и культуры: отражению в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкции фрагментов ранней картины мира и ценностных категорий, явлению наивного этимологизирования, межкультурным конфликтам при переводе и в словарной интерпретации инокультурных (диалектных) фактов и др. Второй раздел образуют статьи по славянской этимологии — конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований. Статьи третьего раздела посвящены выявлению и анализу славяно-неславянских семантических параллелей (мифологические образы, символика чисел, мотивация и метафорические сдвиги, фразеология). Работы, публиковавшиеся ранее, существенно расширены за счет нового материала и усиления аргументации.

Издание адресовано лингвистам и историкам культуры, но представляет интерес и для более широкого круга читателей.

*При оформлении обложки использован
картон Павла Филонова «Животные» (1925—1926)*

УДК 811
ББК -3*81.2

ISBN 978-5-9907947-5-7

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Журавлев А.Ф., 2016

Содержание

От автора	7
-----------------	---

Слово в контексте культуры

Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира	11
Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики	39
Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики	65
К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)	85
Диалектный словарь и культурные реконструкции	97
Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над источниками мифологизма А. Н. Афанасьева)	111
Кто такой <i>царь Горох</i> ?	125
<i>Сушец пеку</i> , или Как лечили худосочие	131
Российская городская геральдика и наивная этимология	137
О русских коллективно-региональных прозвищах	
1. Русская «микронимия» и этническое самосознание	151
2. Этнография в прозвищах	154
3. Диалектология в прозвищах	159
Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале)	165
<i>Новый</i> : от местоимения к местоимению	183
О смысловых и коннотационных потерях в межкультурных трансляциях	
Очерк первый. <i>Один, ничаво, славный юнга и Райзман с Коганом,</i> или К вопросу об истоках северновеликорусской икоты	193
Очерк второй. <i>Все боги, жена монаха и конь, имеющий копыта,</i> или Как из кислого молока делают свежее	210

Этимологии

Интуиция этимолога	229
По поводу <i>истины</i> (семантикотипологический комментарий)	247
К этимологии слав. <i>*vorb-</i> ‘птица Passer, воробей’	261

Русск. <i>двужильный</i>	267
Об этимологии русск. <i>детинец</i> 'крепость'	271
Русск. <i>парень</i>	279
Слав. * <i>ъskra</i> . Русск. <i>искромётный</i>	289
Укр. <i>гарний</i> , белорус. <i>гарны</i>	295
К этимологии русск., укр. <i>олух</i> (и русск. <i>лох</i>)	299
Взвешивание конкурентных мотивационных версий в этимологической практике (о слове <i>валун</i>)	303
Из мелких поправок и уточнений к ЭССЯ	311

Параллели

Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (к символике чисел)	
1. <i>Троян</i>	323
2. 'Сорок'	328
3. Русск. диал. <i>оплетай</i>	334
<i>Ой дид-ладо</i> и его аналогии	337
Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica)	345
О некоторых «конских» мотивах в осетинской и восточнославянской фитонимии (названия подорожника и др.)	419
<i>Дурака кусок</i> : <i>xæjraægъ xaj</i> (об одной славяно-осетинской фразеологической параллели)	423
Библиографические сокращения	427
Справка о первых публикациях	465

От автора

«Если хотите что-то понять, читайте Фасмера». Эту фразу давно, в какой-то беседе с юными лингвистами, желавшими заняться связями языка и народной культуры, полушутливо произнес Никита Ильич Толстой, вообще не склонный к назиданиям и прямому учительству. «Понять что-то» означало «прикоснуться к основам мироустройства — как оно отражается в человеческом сознании (и иным быть не может)», а за именем «Фасмер», выбранным с известной условностью, принадлежащим для русиста к числу, как сейчас принято говорить, знаковых, стояла довольно простая мысль. Причины мироздания, внутренние зависимости, которые обеспечивают его устойчивость, воплощены в устройстве слова, и познание этимологических начал, межсловных связей, мотивов, положенных в основу имени, изменений, которым во времени подвергается содержательная сторона слова, приближает нас к искомому.

В предлагаемой книге собраны некоторые работы, отражающие интерес автора к исторической и сопоставительной лексической семантике в разных ее преломлениях. Основным материалом для наблюдений и построений служит лексика славянских языков. Вошедшие сюда статьи объединены дорогой для автора мыслью, что язык представляет собою неразрывное единство — субстрат культуры и одновременно ее орудие, средство овладения миром.

Раскрытию этих связей служат, каждый по-своему, три образующих книгу раздела:

Слово в контексте культуры (членение универсума в лексиконе; язык в качестве исторического свидетельства: отражение в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкция через показания языка раннеславянской системы ценностных категорий, диалектный словарь как источник «тонкой» этнографической информации; наивное этимологизирование как культурный феномен; межкультурные конфликты в практике перевода и в словарной интерпретации диалектных фактов и др.);

Этимологии (конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований);

Параллели (выявление межъязыковой изосемии в лексике и фразеологии как база семантической типологии, с одной стороны, и как сильный инструмент в системе этимологических доказательств, с другой; наблюдения над общностью мифологических образов, символикой чисел, параллелями в мотивах номинации и метафорических сдвигах; наиболее подробно в разделе представлены осетино-славянские семантические схождения).

Работы, включенные в настоящее издание, писались и публиковались на протяжении трех с половиной десятилетий. Понятно, что многое в прежних текстах со временем потребовало уточнений и поправок, даже смещения акцентов. Практически все статьи подверглись доработке, расширению за счет нового материала и усиления аргументного начала, иной раз такое вмешательство приводило к формированию по сути новых текстов.

И при написании первоначальных версий, и при переработке статей к настоящему изданию автор нередко по разным поводам прибегал к консультациям с коллегами, которые делились ценными замечаниями и соображениями, а также библиографическими сведениями.

Среди них в первую очередь благодарно помяну уже ушедших — Анатолия Павловича Непокупного, Александра Борисовича Пеньковского, Никиту Ильича Толстого, Владимира Николаевича Топорова, Олега Николаевича Трубачева.

С чувством глубокой признательности назову имена Юрия Дерениковича Аapresяна, Елены Львовны Березович, Жанны Жановны Варбот, Алексея Алексеевича Гиппиуса, Игоря Георгиевича Добродомова, Марии Вячеславовны Завьяловой, Валерия Михайловича Мокиенко, Софьи Константиновны Пожарицкой, Дайнюса Разаускаса, Ирины Александровны Седаковой, Александра Борисовича Страхова, Марфы Никитичны Толстой, Светланы Михайловны Толстой, Федора Борисовича Успенского, Джой Иосифовны Эдельман.

Особая благодарность — инициатору издания Алексею Дмитриевичу Кошелеву, добрым и строгим рецензентам книги Александру Евгеньевичу Аникину и Татьяне Владимировне Цивьян.

В подготовке рукописи я пользовался доброжелательной помощью Дмитрия Анатольевича Журавлева, Анны Яковлевны Логвинской. Во все времена моим внимательным собеседником и неоценимым помощником была Наталья Анатольевна Волочаева, без которой книга не состоялась бы.

**Слово
в контексте культуры**

Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира

Некоторые особенности «Мифологического словаря» (М., 1991)

Изданный «Советской энциклопедией» однотомный «Мифологический словарь» под редакцией Е. М. Мелетинского (далее — МС) многие склонны рассматривать как сокращенный вариант широко известной двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» под редакцией С. А. Токарева (далее — МНМ). Будучи вторичным по отношению к МНМ, МС тем не менее представляет собою издание с собственной физиономией. В однотомном словаре, повторяющем большинство статей МНМ, нет фото- и графических иллюстраций; опущены все обзорные статьи типа «Австралийская мифология» или «Палеоазиатских народов мифология», статьи теоретического характера «Архетипы», «Космогонические мифы» или «Низшая мифология», статьи, в которых обобщаются данные о важнейших мифологемах и культурных символах («Грибы», «Древо мировое», «Орел», «Свастика», «Смерть», «Числа» и т. п.), то есть сделана переориентация на словник, состоящий только из именованных мифологических персонажей и некоторых локусов, фактически — почти исключительно из собственных имен; отсутствуют некоторые статьи, входящие в словник МНМ (например, «Агаттияр» или «Акахада-но усаги»; содержащиеся в них сведения, обычно о дублетных именах или о подчиненных персонажах, в МС перемещены, как можно обнаружить, в статьи более общего плана), другие сильно ужаты («Фарн»); сняты послезаголовочные воспроизведения имен в графике языка-оригинала или их латинские транскрипции. Отсутствие в МС вступительного текста, подобного предисловию «Мифология» (авторы С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский) в энциклопедии, компенсируется завершающими словарь статьей «Общее понятие мифа и мифологии»

(автор Е. М. Мелетинский) и пространным, объемом более 3,5 листов, теоретическим глоссарием-приложением «Основные мотивы и термины» (без указания авторства образующих его статей). И все же МС нельзя считать краткой версией МНМ хотя бы потому, что словник его значительно шире. Только в диапазоне буквы *А* он пополнен 118 (!) новыми статьями (некоторые из них — развернутые тексты взамен входящих в словник двухтомника отсылок к другим статьям).

Но главное его отличие — оснащенность новым аналитическим аппаратом. Если авторы и издатели энциклопедии МНМ ограничились составлением только указателя имен мифологических персонажей и конкретных мифологических объектов, с включением в него некоторых «терминов-названий общих понятий», то МС сопровождается, кроме аналогичного индекса, еще тремя реестрами. Во-первых, указателем словарных статей, сгруппированных здесь в рубрики по этносам и религиозным традициям: «Абазины» (: *Анцива, Нарты*), «Абхазы» (: *Абнауаю, Абрскил...*)..., «Бушмены», «Ведийская мифология»..., «Ветхозаветная мифология» (: *Аарон, Авaddon...*)..., «Русские» (: *Алатырь, Алеша Попович, Алконост...*)..., «Японская мифология», «Яруро», «Яуйю». Отдельно, во-вторых, существует словник всех словарных статей, перенумерованных внутри каждой буквы алфавитного разбиения: *а* 1, 2, 3..., *б* 1, 2, 3... и т. д. Он служит «адресной книгой» для поиска понятий, собранных, в-третьих, в специальный «Предметный указатель».

Именно этот последний (далее — ПУ) сообщает изданию особую эвристическую ценность и здесь интересуется нас более всего.

Возможность и необходимость фреквентария к МС

Анализ культурных символов, исследование устройства, семантики, географии, генеза и истории мифологических представлений, свойственных тем или иным культурным традициям, выявление формальных и содержательных переключек между разноязыковыми текстами, отражающими эти традиции, сопоставительное и сравнительно-историческое изучение сюжетики мирового эпического фольклора, выяснение исторических корней ритуалов, установление межритуальных связей и множество иных задач предполагает, что повторяющиеся в различных мифологических системах мотивы и отдельные мотивные элементы могут и должны быть соотносимы друг с другом. Кроме выявления самого инвентаря мифологических мотивов и составляющих их элементов, воплощенных в отдельных словесных знаках (наименованиях природных и культурных явлений, одушевленных существ, предметов, локусов, действий, состояний, свойств, качеств, обозначениях количественных характеристик и т. д.), видится важным знание об их сравнительной встречаемости.

Такие сведения могут быть извлечены из ПУ. Установление числа статей, адреса которых содержатся в каждой позиции этого индекса, весьма несложно, хотя требует усилий и времени. Результат подсчета — перечень слов и словосочетаний, упорядоченных по частоте использования в статьях МС, — можно рассматривать как список словесных знаков, отражающий степень распространенности в мифологиях мира того или иного мотивного элемента (концепта, «смысла», «идеи»).

Представительность аналитического списка обеспечивается достаточной обширной исходной базой: общее количество статей МС, описывающих различные фрагменты мифологических систем нескольких сотен этносов и этнических группировок, как современных, так и оставшихся лишь в истории, — 4141. Понятно, что разные мифологические традиции отражены в словаре по-разному: одни описаны во множестве отдельных статей (бесспорное и объяснимое первенство принадлежит мифологии греков), упоминания других народов (скажем, агулов, навахо или таунгу) или этнических группировок (например, «индейцев Перу») встречаются лишь в единичных статьях. При всей оговоренной неравномерности этнографических и повествовательно-фольклорных источников (скорее их пересказов-интерпретаций), которые подвергнуты словарному препарированию, верхний слой полученного списка меру распространенности в мифологиях мира тех или иных сущностей, приобретающих особое культурное осмысление, рисует с относительно высокой надежностью. Позиции ПУ соотносятся со смысловыми единицами разного статуса: от мощной мифологемы безусловно универсального звучания (*огонь, гора, змей, кровь, камень, луна, молния, белый, правый, восток, время*¹) до мелкой детали дежурного характера — обязательного «актантного» обстоятельства, не нагружаемого никакой специальной символикой, или случайного именованного проходного персонажа и т. п. (иллюстраций из благоразумной осторожности лучше не приводить). Тем самым создается некая аппроксимативная частотно-смысловая модель, которая позволяет интуитивные представления о значимости того или иного элемента или признака в структуре мифа, сюжета или ритуала соизмерять с показаниями ценностной шкалы, полученной путем обработки максимального в выбранных условиях мифологического материала. При этом, разумеется, нужна оглядка на то, что значительное число выявляемых элементов и признаков оказывается валоризованным лишь в границах некоторых культурных традиций. Мы хорошо осознаем ограниченную ареальную и этническую привязанность сакрализуемых и мифологизуемых сущностей *шаман, фараон, слон, крокодил, ягуар, рис, кукуруза (маис), пальма, лотос, нефрит*, но всегда ли отдаем себе отчет в том, что такие концепты, как *пастух, кузнец, волк, вино, плуг, колодец, могила*, могут быть пустыми для многих «не наших» культур?

Приблизительность квантитативных данных фреквентария к МС

Аппроксимативный характер фреквентной модели ясен заранее: в работе такого масштаба на конечных данных не могут не сказаться пропуски, неточности, нераспознанность некоторых принципиальных для данной мифологической конструкции смысловых элементов и т. д. Однако есть потребность его прояснить.

¹ В дальнейшем курсивные написания со строчной буквы (если это не имена собственные) воспроизводят позиции ПУ, а курсивные написания с прописной — заголовки статей МС.

Обращает на себя внимание отсутствие в ПУ самостоятельных позиций *бог, царь, храм, праздник* и под. (эти слова фигурируют в составе включенных в него словосочетаний типа *умирающий и воскресающий бог, слепой бог, идеальный царь, царь ада, латинский праздник, медвежий праздник*). Объяснение такому положению вещей можно искать в том, что, например, слова *бог* и *божество* встречаются в статьях МС настолько часто, что этим их помещение в ПУ обесмысливается. Скажем, из 44 (без отсылочных) статей МС на букву «З» они отмечены в 19, и если эта пропорция действительна для словаря в целом, то в позициях *бог* и *божество*, окажись они введены в ПУ, должно быть перечислено не менее 1780 адресов — едва ли не целая большеформатная страница очень мелким кеглем (в три с половиной раза больше, чем количество отсылок в наиболее нагруженной позиции указателя — *небо*). Пользоваться такой роскошью в качестве эвристического средства попросту невозможно. Вероятно, по той же причине в ПУ нет специальных позиций *отец, мать, муж, жена, сын, дочь, брат, сестра*: родственные отношения мифологических персонажей представляют, как мы знаем, настолько острый интерес для носителей мифотворческого сознания, что ситуация вполне подобна предыдущей, если не сугубая. Из-за труднообразимой объемности данных, которые нужно было бы обрабатывать, указателем практически игнорируется символика чисел, играющая исключительную роль едва ли не в любой мифологической системе. Об этом можно сожалеть, но вынужденное решение составителей ПУ пропускать числительные нужно признать извинительным. Так или иначе, но в ПУ не включено множество (менее частотных, но) немаловажных для конкретных мифов «молекулярных» содержательных элементов. К такого рода упущениям нужно, в частности, отнести отсутствие противочлена в ярких мифологических оппозициях: в ПУ учтено, например, понятие *ночное небо* (из статьи «Тиштрйа»), но блистательно отсутствует формула *дневное небо*, чрезвычайно важная для объяснения имени *Зевс* (к индоевроп. *deiu-*). За этой несогласованностью следует видеть невыработанность твердых принципов анализа и единых шкал отсчета.

Трудно сказать, какие специалисты занимались расписыванием статей МС по смысловым «молекулам», но есть основания полагать, что инструкции для них не были очень четкими и однозначно понимаемыми². Иначе мы не сталкивались бы с таким большим числом пропусков и ошибок. Для примера возьмем статью «Янус». Всякий обладающий хотя бы поверхностными сведениями об этом римском боже-стве согласится, что отсутствие отсылок к посвященной ему статье в имеющихся позициях ПУ *жилище, регия* ‘жилище царя’, *дам, дверь, колонна, день, год, союз, мир, творец мира, мировая ось, фециал* ‘жрец — член коллегии, объявляющей войну

² Упрекать составителей МС за расплывчатость требований к аналитическому указателю было бы, пожалуй, не очень справедливо. Дело в том, что формулирование помянутых единых принципов и надежных шкал, ясное осознание многочисленных сложностей, которые таит в себе «атомизация» словарных текстов, возможны только при знании картины в целом, то есть после тщательного и требующего большого времени разбора уже готового предметного индекса, желательно в его исчерпывающем составе, при этом разбора многостороннего, с участием и «общих» культурологов, и мифологов — специалистов по конкретным этническим и культурным традициям, и лингвистов.

и заключающей договоры' можно толковать только как следствие беспечности или малой осведомленности составителей указателя, а вообще невключение в ПУ таких ключевых для портрета данного божества элементов, как («всякое!») *начало, первый, первый месяц года, первый день месяца* (при том что в указателе учреждена особая позиция *первый день недели!*), *ключ(и)* (однако, чтобы не возникло путаницы, есть деомонимизирующая позиция *ключ (водный!)*), *двуликость, прошлое* (при наличии учетного слова *будущее!*), является недосмотром просто вопиющим.

Одной из причин неточности возможных численных оценок на базе ПУ может быть неосознание его составителями наличия в языке таких явлений, как лексическая полисемия и омонимия (омография в частном случае). Натолкнувшись в указателе на позицию *семя*, читатель без обращения к самим словарным статьям не в состоянии решить, в каком из значений учтено в ПУ это многозначное слово. Проконтролировать положение, на первый взгляд, нетрудно, однако здесь его ожидает неприятность. Сверка с текстом показала, что из первых 25 статей, которые указаны в позиции *семя* предметного индекса, от *Аватара* до *Маква*, в 8-ми говорится о 'семенах растений', в 16-ти — о 'сперме' (человека, животного, божества), а в одной (*Дунен беркат*) слово *семя* выступает с синкретичной семантикой. Отсутствие ударения у помещенного в ПУ слова *мука* не позволяет сразу судить, имеется ли в виду 'страдание' или 'продукт помолы зерна', и, если исходить из опыта, приобретенного только что, на примере «семени», безусловную ясность, несмотря на присутствие позиции *муки*, может внести лишь сплошной просмотр всех указанных в этой позиции статей; выясняется, кстати, что в 11 статьях упоминается *мукá*, но в одной (*Инанна*) — все же *му́ки*. Разбиравшаяся выше статья «Янус» — единственная, к которой отсылает позиция ПУ *агония*. Любой здравомыслящий читатель, бегло знакомясь с указателем, сообразит, что дело касается 'издыхания, предсмертных судорог', тогда как на самом деле имеются в виду *агонии*, иначе *агоналии*, — 'праздник в честь Януса, справлявшийся 9 января' (слово неясного происхождения). Переводить слово в форму единственного числа, по-видимому, не следовало³.

Одним словом, ПУ не представляет понятийное наполнение отдельных статей МС исчерпывающим образом и далеко не безупречен в исполнении. Однако пропуски и наложения, о которых шла речь, хотя и обильны, носят очевидно стохастический характер и при огромности исходного материала (объем МС — 140 учетно-издательских листов) на количественные соотношения между единицами фреквентария, особенно в его верхней части, влияние оказывают не слишком значительное.

Использование полученного фреквентария (ниже он представлен списком 1., который назван **основным**), наталкивается еще на ряд существенных сложностей. Одна из их досадных причин — лексическое богатство и гибкость языка, в нашем случае русского.

³ Нельзя не упомянуть, что на качество и удобство указателя влияет неудовлетворительная корректорская вычитка. Здесь встречаются дезориентирующие орфографические ошибки и опечатки: *приведение* вместо *привидение*, *ночное ведение* вместо ... *видение*, *черенок* вместо *черепок*, (асфоделевый) *луч* вместо *луг*, курьезная *Казань* вместо *казнь*. Встретив позицию *зимородок*, читатель должен проверить, что имеется в виду — *зимородок* или *заморозок*.